

Г. Б. Клейнер¹**ДИАЛОГ КУЛЬТУР И КОЭВОЛЮЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ**

Проблема сосуществования и многоаспектного взаимодействия стран, находящихся на разных стадиях развития и имеющих различные системы экономических институтов, особенно остро встает в эпоху глобализации. Существенными для ее решения являются два противоположно направленных процесса: с одной стороны, сглаживаются различия между технологиями, применяемыми в экономике разных стран, выравнивается качество товаров, производимых странами с разными уровнями развития, происходит перенос ряда социальных институтов из страны в страну. На поверхностном уровне наблюдения и сопоставления очевиден процесс *конвергенции*.

С другой стороны, происходит процесс размежевания стран, затрагивающий более глубокие различия, касающиеся менталитета, интерпретации смыслов, интенциональной и экспектационной сфер. Здесь наблюдается процесс *дивергенции*.

Эти два процесса переплетаются и дополняют друг друга на разных уровнях, формируя сложную структуру развития международной экономики, как в статике, так и в динамике. Такая ситуация делает мировую экономику не только волатильной, но и кризисогенной. В этих условиях наилучшим вариантом была бы *коэволюция* — согласованное координируемое независимое развитие стран без войн, кризисов и катаклизмов.

За счет каких видов и структур межстранового взаимодействия может быть достигнут переход от страновой дивергенции к страновой коэволюции? В данной работе, исследуя страны как социально-экономические системы, мы рассматриваем сначала внутреннюю функциональную структуру таких систем, основные виды межстранового взаимодействия и показываем, что именно межстрановой

культурный диалог должен сыграть определяющую роль в формировании совместно эволюционирующего мира. Мы подчеркиваем также, что структура основных межстрановых взаимодействий складывается из особых «блоков» — групп из четырех стран, каждая из которых представляет собой один из четырех типов социально-экономических систем. Именно такая структура способна обеспечить стабильное и гармоничное развитие многополярного международного мира. Результаты основаны на применении концепции и выводов *новой теории социально-экономических систем*², базирующейся, в свою очередь, на так называемой системной парадигме Я. Корнаи³. Согласно этой парадигме страны должны рассматриваться как разновидности социально-экономических систем, что позволяет выявить как базовые страновые различия, так и общие черты. При этом, в отличие от традиционного подхода к системе как совокупности элементов и связей (эндогенное определение), в новой теории систем акцент делается на восприятии системы как относительно устойчивой части внешнего мира, обладающей целостностью и внутренним многообразием (экзогенное определение). Это позволяет исследовать взаимосвязь между *положением* системы во внешнем пространственно-временном континууме и ее *состоянием* в пространстве внутренних координат.

Каждая социально-экономическая система включает, как было установлено⁴, семь подсистем, реализующих необходимые для жизнедеятельности системы функции. Каждая такая подсистема производит определенный продукт, как используемый внутри системы, так и импортируемый вовне. К числу этих подсистем относятся: ментальная подсистема, продуктом которой являются ментальные модели, образы, умозаключения; «культурная» подсистема, формирующая смыслы, ценностные ориентиры и образцы; институциональная подсистема, продуктом которой являются институты, как применяемые внутри системы, так и транслируемые за ее границы; когнитивная подсистема, производящая знания; технико-технологическая подсистема, производящая товары, услуги, работы; имитационная система, осуществляющая апробацию возможностей применения в условиях данной системы опыта других систем в разрешении тех или иных проблемных ситуаций (производство «кейсов»); «историческая» подсистема, производящая такие же кейсы, но на материале собственной истории данной системы. Таким

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, доктор экономических наук, профессор. Заведующий кафедрой экономики Государственного академического университета гуманитарных наук, заведующий кафедрой институциональной экономики Государственного университета управления, заведующий кафедрой «Системный анализ в экономике» Финансового университета при Правительстве РФ, профессор экономического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Московской школы экономики МГУ. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «Стратегия предприятия», «Микроэкономика знаний», «Теория фирмы и практика российских предприятий: состояние, проблемы, перспективы», «Эволюция институциональных систем», «Производственные функции: теория, методы, применение», «Перспективное планирование производства в объединении (опыт моделирования)» и др. Главный редактор журнала «Экономическая наука современной России», заместитель главного редактора «Российского журнала менеджмента», член Научно-экспертного совета по антикризисной политике Аналитического управления Аппарата Государственной Думы РФ. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Лауреат премии РАН им. В. С. Немчинова.

² См.: Клейнер Г. Системная парадигма и теория предприятия // Вопросы экономики. 2002. № 10; Он же. Системная парадигма и экономическая политика // Общественные науки и современность. 2007. № 2, 3; Он же. Системный ресурс экономики // Вопросы экономики. 2011. № 1.

³ Корнаи Я. Системная парадигма // Вопросы экономики. 2002. № 4.

⁴ Клейнер Г. Системная парадигма и теория предприятия.

образом, каждая социально-экономическая система экспортирует в общем случае, кроме товаров и услуг, ментальные модели («мысли»), культурные ценности и образцы («смыслы»), институты («нормы»), знания, обобщенные внешние кейсы (условно говоря, «анекдоты») и обобщенные внутренние кейсы (случаи из жизни, прецеденты). Хотя в принципе в производстве или создании каждого продукта участвуют все подсистемы, мы можем условно рассматривать каждый из продуктов как результат функционирования соответствующей подсистемы. Это дает возможность представить функционирование социально-экономической системы как взаимодействие перечисленных подсистем, причем каждая последующая из них базируется на результатах предыдущей и поддерживает, в свою очередь, ее устойчивость.

Теперь мы видим, что межсистемное взаимодействие охватывает не только товарно-денежный обмен, но и трансферт целого ряда нематериальных ценностей. Отметим, что в современном мире этот нетоварный обмен играет не менее, а в ряде случаев и более важную для развития популяции систем роль, чем товарооборот.

Применительно к странам как социально-экономическим макросистемам данная концепция выглядит следующим образом. Страны экспортируют и импортируют: менталитет населения и общества, культурные ценности и смыслы, институты, знания, товары и технологии, а также феномены как обобщенные описания апробированного решения проблемных ситуаций (прецеденты), имевшие место в иных географических или исторических условиях. Каждый из этих предметов странового взаимодействия может быть охарактеризован с помощью признаков, описывающих: а) «транспортабельность» — возможность обособления единицы (кванта) данного вида благ и переноса его из страны-донора в страну-реципиента; б) срок приживаемости — время, необходимое для укоренения на новом месте объекта переноса; в) полезность — шансы на эффективное использование данного элемента и риски его негативного влияния на страну-реципиента. Оценивая с точки зрения этих характеристик перечисленные объекты межстранового взаимодействия, мы увидим, что ментальные модели наименее транспортабельны, поскольку являются в значительной мере функцией от психологических особенностей населения и особенностей исторического развития страны. Трансплантация и укоренение институтов не только требуют затрат, но и создают риски долговременной зависимости реципиента от донора¹. То же самое можно сказать об импорте знаний и материальных ценностей. Межстрановой обмен прецедентами требует преодоления языкового, общекультурного барьера и имеет ограниченное значение.

В результате такого анализа из всех семи видов межстранового обмена выделяется межстрановой культурный обмен. Он во многих случаях не требу-

¹ См.: Полтерович В. М. Элементы теории реформ. М.: Экономика, 2007.

ет обязательного преодоления языковых барьеров, опирается не только на разум и привычки, но и на чувства и эмоции. Предметы культурного обмена носят часто более инвариантный характер по отношению к географическому пространству и календарному времени, имеют общечеловеческую ценность. Крайне существенно, что продукты культурной подсистемы «более системны», чем продукты других подсистем: каждый феномен культуры может рассматриваться «как “зеркало”, отражающее культурную систему в ее системном единстве»².

В итоге продукты культурной деятельности, подлежащие межсистемному трансферту, сами становятся социально-экономическими системами (разумеется, иного масштаба, чем система-донор), причем эти системы носят *фрактальный* характер. Наконец, все эти особенности культурных феноменов создают предпосылки для *событийности* каждого такого импорта и возникновения феномена культурного резонанса. (Импорт для системы является событием, если предмет импорта сам представляет собой систему, причем все его функциональные подсистемы более или менее синхронно вступают во взаимодействие с одноименными подсистемами системы-реципиента³.)

В силу этих особенностей культурный обмен должен стать основным видом обменов, поддерживающим единство мирового социально-экономического пространства. Взаимодействие разнонаправленных культурных феноменов носит достаточно сложный характер. Успешный синтез таких феноменов — весьма редкое явление, что является оборотной стороной их системности. Каждый такой синтез в этих условиях содержит, по сути, элементы синтеза самих стран — участниц обмена. При этом механическое (точнее говоря, теоретико-множественное, «поточечное») слияние систем здесь практически невозможно («нанэкономические» технологии формирования целостной социально-экономической системы из элементов двух или более таких систем, подобные физическим нанотехнологиям, в настоящее время не разработаны).

Трудности прямого синтеза разнокультурных феноменов, хорошо иллюстрируемые известной проблемой качества художественной межстрановой копродукции (трудно назвать успешные попытки создания совместных кинофильмов, литературных, музыкальных и других произведений), не означают бесперспективности создания единого мультикультурного пространства. Дальнейшее развитие общей теории социально-экономических систем, по-видимому, позволит предложить модели гармонизации общемирового культурного пространства с точки зрения соотношения между гетерогенностью и гомогенностью его структуры⁴. В настоящее

² Цит. по кн.: Запесоцкий А. С. Философия и социология культуры. М.: Наука, 2010. С. 81.

³ Клейнер Г. Б. От теории предприятия к теории стратегического управления // Российский журнал менеджмента. 2003. № 1. Т. 1.

⁴ Клейнер Г. Б. Стратегия системной гармонии экономики России // Экономические стратегии. 2008. № 5–6.

время естественной формой межкультурного взаимодействия страновых систем является не столько системный синтез страновых культурных феноменов, сколько их совместное восприятие и изучение на базе культурных традиций двух стран, что можно рассматривать как своеобразный *диалог*. В ходе этого диалога в силу системности предмета культурного импорта происходит взаимодействие между всеми подсистемами импортера и экспортера, что содействует их совместной и согласованной эволюции. Так формируются предпосылки для создания новых культурных феноменов, носящих мультикультурный характер. Здесь сопряжение культурных феноменов напоминает процесс выращивания институтов¹.

Такой диалог позволяет рассчитывать на определенную когерентность развития вовлеченных в него стран, поскольку системность каждого культурного феномена как предмета трансферта позволяет концентрировать в нем и транслировать в каждую из стран существенные черты и компоненты национальных культур.

Теперь с системных позиций рассмотрим структуру межстрановых культурных и иных взаимодействий. Каждая социально-экономическая система может исследоваться с точки зрения ее принадлежности к одному из четырех типов систем: объектно-проектному, процессному и средовому². Объектные системы воспринимаются как существующие независимо от наблюдателя объекты — образования, имеющие определенную форму в пространстве и не имеющие априорного периода существования. Пространственные границы такой системы являются *ощущаемыми* для представительного числа ее участников, в отличие от временных границ. Для участников *процессных* социально-экономических систем, наоборот, более остро, чем ограниченность территориального пространства, ощущаются ход и ограниченность времени. Основным компонентом функционирования такой системы является процесс, развивающийся по законам эволюции. Для *проектных* систем значение имеют как территориальные, так и временные ограничения, в силу чего в основе функционирования таких систем лежит проект — совокупность мероприятий, имеющая конкретную локализацию и цель проведения. Наконец, для участников *средовой* социально-экономической системы слабо ощущаются и ограниченность времени, и ограниченность пространства.

Несмотря на то, что каждая страна имеет признаки всех четырех типов систем, часто можно выделить один из них в качестве доминирующего. Так, США представляют собой типичный вариант проектной системы, Китай — процессной, для Японии

характерны черты объектной системы. Россию можно считать средовой страной³.

Функционирование любой социально-экономической системы (в том числе мировой) может быть представлено в виде совокупности четырех процессов: создания новых благ, производства (тиражирования новых экземпляров), распределения (трансферта), обмена, и потребления (использования) материальных, духовных и иных ценностей и ресурсов. В мировой экономике эти функции осуществляются странами в неодинаковой пропорции, в зависимости от системного типа, к которому может быть отнесена та или иная страна. Система каждого типа реализует ровно две из четырех указанных функций, причем одну из них в качестве основной, другую — в качестве дополнительной⁴. Каждая функция реализуется ровно двумя системами различных типов. Так, система объектного типа реализует производственную функцию в качестве основной, потребительскую — в качестве дополнительной. Проектная система реализует обменную функцию как основную, производственную — как дополнительную. Процессная система — распределительную как основную и потребительскую как дополнительную. Средовая система — потребительскую как основную и распределительную как дополнительную.

В этих обстоятельствах естественной является такая организация функционирования экономического пространства, при которой социально-экономические системы, наполняющие это пространство, группируются в так называемые *тетрады* — блоки из четырех систем разных типов, реализующие в совокупности четыре основных социально-экономических процесса. Взаимодействие между элементами такой тетрады не симметрично: отношения в парах «объектная и средовая системы», «средовая и процессная», «процессная и проектная», «проектная и объектная» в такой тетраде носят тесный, приближающийся к симбиотическому характер, в то время как отношения в парах «объектная—процессная системы» и «проектная—средовая» неизбежно характеризуются определенной напряженностью. Тем не менее, как показывает анализ, своеобразная «кольцевая» структура тетрады позволяет ей сочетать внутреннее многообразие с внешней устойчивостью. Взаимодействие тетрад происходит в рамках так называемой паркетной структуры, где каждая система определенного типа взаимодействует с тремя системами других типов.

Эта схема носит теоретический характер, однако она может быть положена в основу формирования сбалансированной и надежно функционирующей структуры мировой социально-экономической системы.

¹ Полтерович В. М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3; Stiglitz J. Scan globally, reinvent locally: knowledge infrastructure and the localization of knowledge // Banking on Knowledge. The Genesis of the Global Development Network / Diane Stone (ed.). 2000. P. 24–43; Клейнер Г. Б. Экономика России и кризис взаимных ожиданий // Общественные науки и современность. 1999. № 1.

² Клейнер Г. Б. Системная парадигма и экономическая политика // Общественные науки и современность. 2007. № 2, 3.

³ Клейнер Г. Б. Глобальное миссионерство или глобальное стяжательство: есть ли третий путь для России? // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры: X Междунар. Лихачевские науч. чтения. СПб.: СПбГУП, 2010; Он же. Системная парадигма и экономическая политика.

⁴ Клейнер Г. Системный ресурс экономики // Вопросы экономики. 2011. № 1.

Как это могло бы выглядеть на практике? Выше были приведены примеры стран, являющихся яркими представителями соответствующих типов. Согласно изложенной концепции США, Япония, Китай и Россия образуют в определенном смысле самодостаточную систему стран, способную реализовать полный функциональный цикл создания, тиражирования, распространения и распределения практически всех основных видов материальной продукции — от интеллектуальной до сельскохозяйственной. Эти страны могут блокироваться в целях создания своеобразной «центральной» тетрады современного мира. Централизм здесь не в том, чтобы эта четверка диктовала другим странам и группам свои условия, а в том, чтобы она стала своего рода

модельным примером для формирования и функционирования других подобных тетрад. Объединяя представителей трех континентов — Европы, Азии и Америки, — такой союз мог бы стать «точкой кристаллизации» нового мирового порядка, основанного на принципах страновой коэволюции. Диалог культур как обмен системными культурными феноменами в такой группе способен привести к формированию локального межстранового культурного подпространства, более гармоничного и адаптивного, чем глобальное культурное пространство. Развитие таких гармонизированных «культурных очагов», базирующихся на тетрадных группах стран, в свою очередь, будет способствовать формированию единого мирового культурного пространства.